

Целомудрие — лучшее приданое мужчины.

Еще пару часов назад Жэнь Линь с откровенным раздражением резался в игру у себя в студии.

Развалившись на диване в абсолютно непринужденной позе, он сидел в наушниках и легкой спортивной кофте, под которой от движений проступал рельеф мышц на предплечьях. На резком, породистом лице застыло выражение спесивого упрямства, а в ярких глазах читалось глубочайшее наплевательство на всё вокруг.

Играл он с прохладцей, походя, но классом явно превосходил соперника. Тот раз за разом терпел разгром и теперь заходилась отборной бранью в общем чате.

— Брат Линь, ты сегодня домой не поедешь?

Ассистент, уже собравший вещи к концу рабочего дня, помешкал у дверей персонального кабинета своего босса и всё же решился подать голос.

В отличие от многих других звезд шоу-бизнеса, этот босс не заставлял подчиненных плясать под свою дудку круглые сутки, за что ассистент его искренне уважал. Впрочем, парень прекрасно знал, что Жэнь Линь — заядлый волк-одиночка, которому комфортнее всего наедине с собой.

За всё то время, что они работали вместе, тот ни разу не обмолвился о родителях. Ассистент, будучи человеком сообразительным, в чужую душу с расспросами тоже не лез.

— Не-а.

Выбирая место под студию, Жэнь Линь искал прежде всего уединение. Он лично утверждал планировку, сам занимался интерьером и даже чертежи набросал собственными руками.

Разумеется, здесь имелись и жилые комнаты.

По сути, студия давно превратилась для него во второй дом: захотел — поехал к себе, не захотел — остался коротать ночь за видеоиграми.

— Тогда не засиживайся допоздна, Брат Линь.

Ассистент выдал дежурную фразу и поспешил откланяться. Естественно, указывать боссу он не имел никакого права, но проявить участие велел долг.

День выдался — врагу не пожелаешь.

Став невольным свидетелем того, как его боссу наставили рога, ассистент сам готов был сквозь землю провалиться, но работа есть работа — приходилось держать лицо.

Жэнь Линя разбирала злость. Какая-то глухая, беспричинная досада.

Выключив игру, он уставился в телефон и тут же наткнулся на интервью, висевшее в топе новостей. Эпизод был снят в рамках промо-кампании фильма «Мост»: Чэнь Вэй, исполнительница главной женской роли, давала короткий комментарий во время фотосессии для глянца.

Обаятельная, миловидная девушка с кокетливой смущенностью вещала в камеру:

— Вы про Брата Минью? О, он невероятно чуткий и заботливый человек! На съемочной площадке он так сильно мне помогал, я ему безмерно благодарна.

"Чушь собачья", — мысленно огрызнулся Жэнь Линь.

Он-то отлично помнил, как эта девица ежедневно строчила ему в Вичате, сокрушаясь, что из-за идеальной игры Ши Минью режиссер гоняет её по дублям и выматывает до полусмерти.

— Парня? Ну, если выбирать спутника жизни, думаю, человек вроде него — идеальный вариант. Вряд ли кто-то сможет устоять перед его обаянием: он такой внимательный, мягкий, душевный... Ах, да я просто влюбилась в Брата Минью!

Голосок журналистке достался именно такой, от которого у большинства мужчин млеют уши — капризно-нежный, с манящей хрипотцой.

Жэнь Линь пересматривал этот ролик не в первый раз, но желчь всё равно подступала к горлу.

Свою бывшую пассию он знал как облупленную: хитрая, эмоционально гибкая, умеет вовремя скроить милую рожицу и выбить нужные ресурсы. Когда Жэнь Линь пребывал в благодушном настроении, он без проблем делился связями.

Однако сейчас у него закралось смутное подозрение, что девица не врет. Это девичье смущение, этот румянец на щеках... В кино она никогда так гениально не играла!

"Совсем с катушек слетела", — проворчал он про себя. Неужели эта дрянь действительно влюбляется в каждого встречного?

И ведь при этом спит с режиссером!

Последнюю мысль он, естественно, похоронил в глубинах сознания: мужику не пристало трезвонить на всех углах о том, что ему наставили рога. Именно поэтому они и расстались со скандалом еще до того, как завершились съемки.

Впрочем, дефицита в женском внимании Жэнь Линь никогда не испытывал.

Его собственная внешность вкупе с весьма влиятельной семейной протекцией притягивала охотников за наживой как магнит. Всё, что доставалось без труда, столь же легко отправлялось на свалку.

Врожденный авантюризм позволял ему крутить романы с невероятной легкостью, вступать в игру и выходить из нее без единой царапины.

Он был до мозга костей избалован и своеволен. Терпеть не мог разговоров о браке, не переваривал рамки и уж тем более задышался в глубоких эмоциональных привязках. Ему нравилось быть дарителем, но он категорически не терпел, когда от него начинали что-то требовать.

Единственной его патологией была брезгливость.

Тяжелая, доведенная до абсурда чистоплотность.

Это и стало главной причиной расставания. Женщинам подавай либо тело, либо душу. А Жэнь Линь не намеревался отдавать ни то, ни другое.

Жэнь Линь отложил телефон и взглянул в окно. Далекие огни города пробивали ночную тьму, а над головой нависли тяжелые, грозовые тучи — вот-вот грянет ливень. Много лет назад, в точно такой же ненастный день, он впервые осознал, что есть вещи, которые невозможно купить ни за какие деньги. И в тот же день он встретил человека... пожалуй, самого ненавистного в своей жизни.

Своего сверстника, которому доставались все лавры и похвалы.

Бастарда.

С чего ради? Жэнь Линь с желчной злобой думал, что этот ублюдок наверняка до дрожи в коленях рад возможности урвать кусок наследства, вот и нацепил маску кроткой овечки. До того тошнотворно-святоша, что так и подмывает сорвать с него эту лживую личину!

И вот теперь Жэнь Линь откровенно скучал, слоняясь по больничному коридору и отсиживая задницу на жестком металлическом стуле.

А за дверью лежал тот самый ненавистный мерзавец.

Вообще-то Жэнь Линь неплохо разбирался в людях, и этот кадр вызывал у него лишь уныние.

Хотя они учились в одной старшей школе и даже вместе попали в переделку во время того злополучного похищения, их биополя категорически не совпадали. Впрочем, Жэнь Линь слишком многих недолюбливал, чтобы забивать себе голову лишними именами.

По-хорошему, ему следовало бы просто набрать ассистента, бросить пострадавшего на произвол судьбы и уехать. Коллизию с помятым бампером легко уладили бы завтра по камерам наблюдения.

Ночной ливень, мелкое ДТП — так, пустяковая царапина на дороге.

Поскольку второй водитель долго не подавал признаков жизни, крепкий и здоровый Жэнь Линь выбрался из машины, чтобы оценить обстановку. В салоне за рулем сидело знакомое лицо. Однако внимание Жэнь Линя привлек экран выпавшего из рук бессознательного парня: там висело неотправленное сообщение, адресованное контакту с лаконичной подписью: «Брат».

Жэнь Линь тут же заглотил наживку. Брат? Это еще какой брат? Не тот ли самый, о котором этот задохлик плакался во время похищения, уверяя, будто тот обязательно за ним придет?

Вот только тогда никто так и не явился. До самого приезда полиции Жэнь Линь, корчась от раздражения, мысленно высмеивал никчемность и наивность своего товарища по несчастью. Тебя же выбросили как мусор! На что ты надеешься, идиота кусок, зазывая того, кто никогда не придет?

Ши Минью добрался до больницы уже глубокой ночью.

Поймав такси, он прибыл на место ближе к часу: ассистент ждал его у входа и успел доложить, что пациент лежит под капельницей с жутким жаром, который никак не удаётся сбить.

Ши Минью спешил, натянув медицинскую маску по самые глаза. У дверей приемного отделения он отправил измотанного помощника в ближайшую гостиницу — мол, сам посидит у постели, благо режим в последнее время наладился.

Он даже не заметил человека, сидевшего в тени больничного коридора, и сразу прошмыгнул в

палату.

Парень на койке лежал с закрытыми глазами. Бледный, изнуренный, с осунувшимся лицом.

На тумбочке валялись в беспорядке выпотрошенные блистеры и недопитые микстуры.

Ши Минью вздохнул и негромко пробормотал с легким досадованием:

— Все такой же... Абсолютно не умеет о себе позаботиться.

В ночном приемном покое, если не считать редких тяжелых больных, толпились в основном взволнованные родители с приболевшими детьми.

По дороге Ши Минью уже выяснил детали: ничего смертельного.

Сам так называемый «таран» серьезных повреждений не нанес — пострадало лишь железо. А вот накопившийся урон от непрерывной работы, хронический недосып и резкий перепад температур вылились в тяжелейший жар. В больнице парень ненадолго пришел в себя, врачи выписали рецепт и вкололи жаропонижающее. Теперь требовалось лишь небольшое наблюдение.

В сущности, Ши Минью мог бы и не приезжать.

Но он прекрасно понимал, почему ассистент втайне набрал его номер: Се Цзяюй в вопросах приема лекарств превращался в капризного и несносного ребенка.

Ши Минью тихо вздохнул.

В каком-то смысле это был давний психологический заскок Се Цзяюя. Мать с самого детства вдалбливала ему в голову, что он болен и «не такой, как нормальные дети».

Посидев немного у кровати в абсолютной тишине, Ши Минью протянул руку и коснулся лба больного. Жар вроде спал.

Он перевел дух. Ши Минью уже и забыл, когда в последний раз видел этого человека немощным — перед ним всегда предстал железобетонный трудоголик с неиссякаемым запасом энергии.

Вот только...

"Слушай, — не удержался Ши Минью от вопроса к Системе, — ты же говорила, что Главный

Гун тоже здесь? Что-то я никакого сэра не заметил".

[... За дверью он. Братишка, ты просто влетел в палату как ошпаренный.]

Ши Минъю озабоченно насупился:

"И как быть? Может, мне стоит уйти... ну, дать им возможность пообщаться наедине? Всё-таки одноклассники, столько лет не виделись, явно есть что обсудить".

[... Не думаю, что это хорошая идея.]

Впрочем, воплотить план в жизнь Ши Минъю не успел. Избранный судьбой герой очнулся: длинные ресницы дрогнули, и на утонченном, бледном лице отразилась детская незащитность.

— Цзя... Цзяюй, нельзя же так изводить себя работой.

Ши Минъю взялся за термос, плеснул немного воды в бумажный стаканчик и, убедившись, что она не горячая, слегка наклонился, поднеся ее к потрескавшимся губам больного.

— Брат, почему ты больше не называешь меня Цзяцзя? — Сделав пару глотков, Се Цзяюй цепко ухватился за эту деталь с каким-то странным упрямством.

Ши Минъю невольно усмехнулся и покачал головой:

— На людях надо хоть какую-то солидность соблюдать. Ты же уже взрослый парень, а тут такое детское прозвище...

"Совсем не вяжется с образом сурового босса", — мысленно добавил Ши Минъю.

Вспомнив о Главном Гуне, стерегущем двери палаты, он почувствовал, как к горлу подступает ком неопределенности.

"Ощущение, будто выдаешь дочку замуж, — мысленно почесал затылок Ши Минъю. — Да еще за кого... За бабника, у которого бывших больше, чем звезд на небе".

На душе было скверно. Как-никак, этот парень рос на его глазах. Раньше Се Цзяюй был таким послушным, верил каждому его слову, наивный, славный ребенок...

Система долго не решалась вклиниться, но всё же вставила слово:

****[Хотя у Главного Гуна и огромный список бывших, он, между прочим, самый настоящий девственник.]****

Ши Минью застыл:

"Серьезно? Ну... тогда ладно. Хотя звучит как антинаучная фантастика".

В шоу-бизнесе найти невинного человека — задача из разряда невыполнимых.

****[... Милок, ты бы на себя посмотрел. Тоже мне, вековой холостяк.]****

"Вот теперь мне даже как-то спокойнее стало, — утешил себя Ши Минью. — Как любят повторять девчонки у меня в фан-клубе: мужчина, который не бережет свою честь — что гнилая капуста. Целомудрие — лучшее приданое мужчины!"

— Цзяюй, давай выпьем лекарство, а?

Ши Минью выкинул лишнее из головы, вспомнил инструкции ассистента и извлек из пакета нужные таблетки. Процедура знакомая, проделанная десятки раз.

Се Цзяюй лишь опустил взоры, храня упрямое молчание.

— Ну же, Цзяцзя, хватит капризничать.

Ши Минью наклонился ниже, голос его звучал мягко, но с легкой ноткой покровительственного давления.

Он слегка потерябил парня за щеку, а когда тот никак не отреагировал, тихо усмехнулся и, проведя пальцем по сухим губам, беззастенчиво протолкнул таблетки ему в рот.

— Какой большой вымахал, а всё приходится с боем пичкать лекарствами.

Этот ночной, едва слышный шепот накрыл Се Цзяюя, словно ласковая волна, проникая в самое сердце. Он замер, подчиняясь этой мягкой, но не терпящей возражений силе.

Ши Минью помог ему сделать пару глотков воды.

Затем он прикрыл ладонью глаза больного, достал из кармана конфету, зубами надкусил фантик и ловко отправил сладость ему за щеку.

— Вкусно? — с наивной гордостью ухмыльнулся Ши Минью. — Девочки в фанатском чате все уши прожужжали, что эта новая молочная карамель — просто объедение.

Конфеты он покупал сам пару дней назад. Выждал идеальный момент, так что ни один папарацци его не засек!

Се Цзяюй чуть смежил веки и тихо отозвался:

— Очень сладко.

Да, невероятно сладко. Настолько, что эта сладость навек связала его с тем далеким летом и образом человека, который тогда появился в его жизни.

А за дверью, прислонившись к холодной стене, стоял Жэнь Линь. Вслушиваясь в долетавшие из палаты обрывки разговора, он готов был проклясть свой слишком острый слух и идеальное зрение.

"Мерзость, — мысленно сплюнул он. — Оба хороши: два психа, два подельника... Так с какого перепугу этого ублюдка кто-то ждет?!"

Посидев еще немного, Ши Минью приложил ладонь к лбу больного.

Наконец-то остыл.

Окончательно переведя дух, он смотрел на него некоторое время, не произнося ни слова. Он мог проявлять заботу о его здоровье, о его делах, о работе... Но едва речь заходила о чувствах, Ши Минью пасовал. Ему нечего было посоветовать.

Он поднялся и тихо произнес:

— Цзяцзя, я пойду поищу, где купить горячей каши. А ты поспи.

"Пора освободить сцену для парочки, — подумал он. — Моя роль третьего лишнего на этом окончена".

Внезапно Се Цзяюй схватил его за запястье, не позволяя уйти.

Ши Минью не удивился. В этом парне до сих пор жила детская травма... Он до смерти боялся остаться один, как тогда, когда его бросила мать.

Не вырываясь, Ши Минью сел обратно и посмотрел на него с привычной теплотой и

снисходительностью:

— Цзяцзя.

— Не уходи далеко, — сдавленно попросил Се Цзяюй и медленно разжал пальцы.

— Само собой.

"Как же, держи карман шире! — подумал Ши Минъю. — Пойду в самый дальний ресторан, чтобы дать вам побольше времени".

Он похлопал парня по руке в знак согласия.

Выйдя в коридор, он никого не увидел и заметно повеселел. Никаких любовных сцен на публике — и славно! Быть сюжетным костылем оказалось вполне сносным делом.

Он решил заказать своему другу самый роскошный сет с кашей.

Едва Ши Минъю скрылся за поворотом, Жэнь Линь вышел из тени. Толкнув дверь палаты, он встал на пороге, возвышаясь над кроватью, и нагловато ухмыльнулся:

— А я-то гадаю, с чего ты вдруг прикинулся немощным и пустил сопли. Выглядит жалко. Скажи-ка, Се Цзяюй... А этот твой «братец» вообще в курсе, что на твоих руках кровь?

В ту же секунду Се Цзяюй вскинул голову. Свось спадающие на лоб чешуйки челки на Жэнь Линя уставились два темных, бездонных омута, налитых мраком.

Чеканя каждое слово с жутковатым, фанатичным спокойствием, он произнес:

— А тебе-то какое дело?

<http://bllate.org/book/20141/1992038>